

ОТКРОВЕННОЕ
интервью

АЛЕКС ДРЕЙК

23:47

1 непрочитанное
сообщение

18+

Алекс Дрейк

Откровенное интервью

«Автор»

2026

Дрейк А.

Откровенное интервью / А. Дрейк — «Автор», 2026

Катерина умеет задавать вопросы так, что люди рассказывают больше, чем собирались. Именно поэтому ее интервью смотрят тысячи зрителей. Но встреча с Валерией Стейн должна стать особенной. Когда-то песни Валерии звучали повсюду, потом она исчезла — и лишь спустя годы вернулась с композицией, в которой слишком много боли, чтобы считать ее обычной песней. Катерина приезжает к ней домой, включает камеры и начинает разговор о детстве. Но за вопросами о музыке, любви и прошлом скрывается совсем другая причина этой встречи. «Откровенное интервью» — психологическая новелла о памяти, горе и о том, что прошлое не исчезает, если перестать о нем говорить. Иногда оно просто ждет, пока ему снова ответят.

© Дрейк А., 2026

© Автор, 2026

Алекс Дрейк

Откровенное интервью

*Если у тебя есть человек, которому можно рассказать сны,
ты не имеешь права считать себя одиноким.*

Фаина Раневская

Катерина была сосредоточена. Она старалась поставить телефон ровно, одновременно поправляя ногой штатив, который клонился вбок и заваливал горизонт.

– Еще буквально пару минут, и мы будем готовы, – Катерина нахмурившись смотрела в экран, пытаясь настроить картинку. Телефон был явно не новым: по краям виднелись серебристые сколы, но касалась она его так бережно, будто одно неловкое движение могло его сломать. Она была не очень высокой, поэтому приподнималась на носочках, чтобы получше видеть кадр.

Комната была тёплой и уютной, с мягким светом, который проникал через полупрозрачные занавески и играл на стенах, создавая ощущение покоя. В углу стояла небольшая книжная полка, уставленная книгами на нескольких языках. Создавалось ощущение, что книги, хоть они и не были в пыли, давно никто не открывал.

В центре комнаты, рядом с журнальным столиком, стояли два кресла – друг напротив друга. Одно выглядело почти новым, другое было куда более потертым, с чуть потрескавшейся обивкой.

На стенах висели многочисленные афиши с концертов, заботливо вставленные в рамки. Афиш, казалось, было настолько много, что в какой-то момент для них уже не находилось места, и несколько десятков просто стояли в углу комнаты, свернутые в рулоны.

За окном виднелся заснеженный и пасмурный Петербург, невысокие дома, покрытые снегом и льдом. На кухне с ее мягким светом лампы и приглушенным шумом за стеклом создавалось ощущение, что этот холодный и заснеженный город – лишь далекая, уютная сцена, холод которой не мог проникнуть внутрь.

– Кажется, у меня все готово, – сказала Катерина и снова погрузилась в телефон.

– Если честно, я думала, что вы приедете с оператором или ассистентом. Не думала, что вы сами снимаете свои интервью.

Собеседница Катерины была по меньшей мере на десять лет старше ее. Она относилась к тому типу женщин, красота которых с годами не только не увядает, но и получает свой особый шарм. Ее длинные темные волосы, местами поседевшие, придавали ее облику зрелую утонченность, словно показывая, что сама природа отмечает переход женщины на новый этап, переход, которого она не стыдится и который не пытается скрыть. Внешне абсолютно спокойная, она пронзительно смотрела на Катерину все время, пока та расставляла технику, и не старалась торопить ее или задавать какие-либо вопросы. Легкие морщинки вокруг ее глаз казались не следами прожитых лет, а, скорее, следами прожитых радостей и трудностей. Встретив подобную женщину, ты, с одной стороны, понимаешь, что ее возраст уже перевалил за сорок, но с другой – ты по-прежнему хочешь обратиться к ней «девушка», а не «женщина».

К интервью она, похоже, не сильно готовилась. Не было видно, что хозяйка убиралась в своей квартире или наносила макияж, отличный от повседневного.

– Я говорю, удивительно, что вы работаете без оператора и ассистента. У вас достаточно популярный канал, я думала, вы приедете с командой, – она постаралась вывести Катерину из очередного погружения в себя.

– Если честно, я тоже так думала, – Катерина двумя руками загребла копну кудрявых волос и закинула их назад, – но некоторые интервью приходится брать самостоятельно. Общение без посторонних глаз и ушей делает интервью более откровенным, чуть более личным. Некоторым сложно раскрыться, если вокруг несколько операторов и бесконечная суета. Скажем честно, – Катерина снова нахмурилась, двигая ногой штатив, чтобы он встал ровно, – если мы будем говорить вдвоем, вы скоро забудете о том, что мы снимаем интервью, и у нас получится простой разговор, будто мы общаемся за чаем. А, как вы знаете, мне очень важно, чтобы мои герои вели себя откровенно. Тема у нас очень личная. Мало кто может откровенно говорить об этом, особенно когда его снимают с трех камер.

– А я думала, мы планируем поговорить о детстве, – собеседница Катерины слегка улыбнулась.

– Именно о детстве, – Катерина отпустила руки и, убедившись, что телефон на штативе стоит ровно, перешла ко второму телефону. – Знаете, я уже сняла не один десяток интервью. Кто-то считает, что их детство было счастливым, и они уверены, что будут только улыбаться. Один час нашего разговора – и они плачут. Другие уверены, родители испортили им всю жизнь, но ведут себя куда более спокойно, чем те, кто считал изначально свое детство счастливым, – Катерина поправила второй телефон. – Может быть, конечно, первые осознают, что им некого винить в их судьбе, а вторые же, напротив, чувствуют в этом некое оправдание, что делает их такими спокойными. Впрочем, оценок, как вы знаете, я не даю. Сейчас я лишь развлекаю вас разговором, пока убеждаюсь, что все работает как надо.

– Да уж, – ее собеседница снова чуть улыбнулась, – развлекаете вы неподражаемо, давно мне не было так увлекательно.

Катерина обошла комнату, внимательно заглянув в каждый телефон.

– Кажется все, сейчас я запущу все камеры, и мы начнем.

Она нажимала на кнопки записи, быстро перемещаясь между телефонами, затем села в кресло напротив.

– Пожалуйста, не пугайтесь, сейчас я хлопну – это для дальнейшей синхронизации при монтаже, – серьезно сказала Катерина.

– Меня не пугает, когда люди хлопают, я к этому привыкла.

Катерина, подняв бровь, оглядела все телефоны на штативах, потом серьезно посмотрела на собеседницу и громко хлопнула в ладоши. Затем она посмотрела на одну из камер, и ее голос смягчился, став более расслабленным:

– Дорогие друзья, я снова всех вас приветствую и добро пожаловать на наш канал «Шепот из детства». Здесь мы обсуждаем с нашими героями, как детство повлияло на их дальнейшую жизнь и на их творчество. Напоминаю, если вам понравится это интервью, обязательно поставьте лайк и подпишитесь на наш канал, и самое главное: обязательно оставляйте свои комментарии. – Катерина посмотрела на собеседницу. – Сегодня у меня в гостях на канале, – она улыбнулась и взмахнула рукой, – или правильно сказать, я в гостях у Валерии Стейн. Наверняка все вы помните, как почти десять лет назад абсолютно везде звучали ее песни. «Возвращайся», «Лифты», «Твой наушник», да господи, еще просто десятки песен, которые мы все знаем. Я вам скажу честно, – она посмотрела на Валерию, – я прекрасно помню песню «Лифты». Я монтировала под нее свое первое видео и мечтала, что мой канал однажды станет настолько популярным, что я смогу взять у вас интервью.

– Спасибо, – Валерия улыбнулась.

– Последние несколько лет, – Катерина снова посмотрела в камеру, – Валерия перестала заниматься активной творческой деятельностью. И если можно так сказать, было некое затишье. Многие, как и я, задавались вопросом, почему Валерия Стейн пропала, почему она не издает новых песен, да и вообще как у нее дела. Однако, к большому удивлению всех, – Катерина перевела взгляд на собеседницу, – и, честно скажу, к огромному удивлению для меня

лично, было издание новой песни Валерии «Всегда с тобой». Может быть, эта песня пока не стала настолько популярной, как она того заслуживает, но, безусловно, стала знаком того, что Валерия Стейн, к радости многих ее поклонников, возвращается на свой творческий путь.

Сегодня мы позволим себе расспросить не только про детство Валерии и как оно могло повлиять на ее творческий путь и музыку, но и, возможно, узнаем, откуда появилась эта последняя прекрасная песня. И хоть канал наш посвящен детству, говорим мы, конечно, не только о детстве, мы можем говорить о настоящем и даже будущем. – Катерина вздохнула после быстрого монолога, – Валерия, спасибо, что согласились на это интервью.

– Спасибо что пригласили меня. Мне приятно появиться на канале, который создавался под мою песню.

– Последние пять лет. Давайте поговорим сначала о них. Пять лет с момента выхода вашей уже предпоследней песни вы не издавали новых, не снимались в клипах, не давали интервью и не участвовали ни в каких телешоу, как будто вы старались, чтобы вас забыли.

– Очень старалась, – Валерия засмеялась, – и у меня получилось – меня забыли. Для этого, если честно, не особо нужно стараться. Просто ничего не делаешь – и про тебя забывают. Немного сложнее сделать так, чтобы про тебя вспомнили. Но, видите, выпустила новую песню и, по крайней мере, вы про меня вспомнили, значит, можно считать, что у меня и это получилось.

– И все же, такая долгая творческая пауза, с чем она была связана?

– В какой-то момент любой артист начинает понимать: все, что он делает, – повторение того, что он делал раньше. Все мы повторяем то, что уже делал кто-то другой. Но самое обидное, когда ты начинаешь повторять за собой. Все музыканты начинают с каверов, да и я начинала, вы, наверно, знаете и слушали их. Но когда твое творчество все больше становится каверами на свои же песни, стоит остановиться. Ты пишешь песню, записываешь ее, аранжируешь, слушаешь и сама узнаешь в ней ту песню, что ты писала раньше. Можно, конечно, начать повторять саму себя, и многие на этом сделали неплохую карьеру, – она усмехнулась, – не буду называть имен. Но для меня было важно создавать что-то новое, а если ты не можешь сделать это, значит, лучше немного передохнуть и просто побыть с собой, с близкими. Может, поискать где-то вдохновение, набраться новых идей. Может, найти того, кто тебя снова сможет вдохновить. Но точно не повторять того, что уже делала.

– Пять лет. – Катерина внимательно смотрела на нее. – Вы просто не пытались ничего писать? Или пробовали, и у вас не получалось? Или получалось, но не так, как вам хотелось? – она покачала головой. – Это я спрашиваю вас в том числе и как журналист, которого тоже иногда берет в тиски творческий кризис и которому страшно: что будет дальше? Все мы, люди творчества, боимся, что в какой-то момент иссякнем.

– Я не пыталась, – Валерия смотрела на Катерину пристально, – поначалу, может, чуть-чуть. А потом поняла, что ничего не получится. Не было того вдохновения, которое было раньше. Не было того чувства восторга, которое испытываешь, пытаюсь сочинить новую песню.

– Спасибо, – Катерина пристально смотрела на нее, – вы так откровенно отвечаете и отшучиваться не пытаетесь, это очень ценно. Мне очень приятно, что для вас ваша музыка, ваши стихи, ваши песни – это не просто некий, как сейчас модно говорить, продукт, а что-то очень личное, очень важное для вас, возможно, что-то даже интимное.

– Да, пожалуй, это так, – Валерия улыбнулась краешком губ. – Может, мне и хотелось бы, чтобы было по-другому, чтобы я могла писать по первому запросу, когда я хочу, – она усмехнулась как будто себе, – но пока не получается.

– Вы так прекрасно рассказываете о своем творчестве, что я сейчас очень неловко попытаюсь перевести тему и поговорить о том, чему посвящен наш канал – про ваше детство, – Катерина быстро взглянула на лист бумаги, который лежал у нее на колене. – Мужчины. Они всегда были основой вашего творчества. Большинство ваших песен о мужчинах. И, конечно,

мне хочется спросить вас о первом мужчине в вашей жизни. О вашем отце. Был ли он для вас примером? Если был, то каким – хорошим или плохим?

– Я его почти не знала, точнее, почти не помню. Есть воспоминания, но они, знаете, еще совсем детские. Как некий образ, который в детстве был со мной, но с годами он делается все более размытым и призрачным, и чем старше ты становишься, тем меньше он похож на человека и все больше на какой-то образ и какую-то твою фантазию.

– Он не общался с вами?

– Он умер, когда мне было 8 лет, – Валерия пожала плечами. – Но я с ним до сих пор общаюсь. Я не знаю, – она вздохнула, – точнее я знаю, что он уже не слышит, я не особо верю в загробную жизнь, в ангелов, но все равно продолжаю с ним общаться.

– Вы продолжаете с ним общаться, но не верите, что он вас слышит?

– Мы все так делаем. Для этого ведь не нужно быть особо верующим. Моя мать – закоренелая атеистка, но ей это не мешает общаться с бытовыми приборами, когда они ведут себя не так, как она хочет. Мы часто говорим не потому, что мы думаем, что нас услышат, а просто потому, что мы хотим что-то сказать. Ну и да, есть небольшая надежда, что какая-нибудь стиральная машина все же понимает нас, и в следующий раз решит не окрашивать белое белье в оттенки голубого. Так и я общаюсь с ним, потому что хочу ему что-то рассказать, зная, что он, скорее всего, не услышит. Когда я была маленькой, он слышал меня, но мне нечего было ему рассказать, а сейчас его нет, но мне есть чем с ним поделиться, поэтому и рассказываю.

– Вы посвящали ему песни? Писали о нем? Вы так глубоко это чувствуете, что в какой-то момент я подумала, что ваша последняя песня «Всегда с тобой» посвящена ему, хотя, конечно, знаю, что это не так.

– Нет, никогда не писала песни ни для него, ни про него. Никогда даже не пыталась. Знаете, это что-то совсем мое и личное, о чем не хочется петь. Я вроде как всегда пела о личном, о том, что чувствовала, но некоторые вещи становятся личными настолько, что про них не хочется петь даже для себя. И стоит ли петь о человеке, которого уже нет в живых, который остался в твоей жизни лишь каким-то светлым пятном?

– Как ваша мама восприняла такую утрату?

– Тяжело. Очень тяжело.

– Когда случается такая трагедия, родителям часто не хватает сил поддержать своих детей. Тут сложно, дети нуждаются в поддержке, но и родителю она нужна не меньше. И бывает, он ожидает от ребенка поддержки в ответ, хотя осознает, что не сможет получить ее. Но его ребенок тоже для него близкий, и эмоционально, на уровне чувств, родитель ждет поддержки от близкого. Это все очень непросто, и рассуждать о таком куда проще, чем испытать что-то подобное.

– Да, это правда, – Валерия грустно кивнула, – но мне кажется, мы с мамой тогда справились. Я помню, как она плакала по вечерам. Она старалась не плакать, когда я вижу ее, а я старалась не смотреть, когда она плачет. Может, этим мы друг друга и поддерживали.

– Это на самом деле очень трогательно, – Катерина на несколько секунд задумалась, посмотрела в окно и снова повернулась к Валерии. – Пока я готовилась к интервью, расставляла оборудование, я увидела у вас фотографии женщины с двумя девочками, я полагаю, это вы, ваша мама и ваша сестра.

– Это так, – Валерия кивнула, – Настя младше меня на два года, и, когда отец умер, ей было всего шесть. Но, знаете, – Валерия заулыбалась, – у нее каким-то образом хватило сил справиться с этим, поддержать и старшую сестру, и маму, как будто весь папин нескончаемый оптимизм передался ей. Так, возможно, и получилось, она действительно оптимистка, которой всегда хватает сил справляться со всеми трудностями, бежать вперед, что бы ни случилось. Таким я помню и папу, по крайней мере, мама всегда рассказывала про него так. Человек, который никогда не унывал. Маме стало очень нелегко без него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.